

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

НИНА
РОУЭН

*Страсть к
удовольствию*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P79

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Nina Rowan
A PASSION FOR PLEASURE

Перевод с английского *В.М. Феоклистовой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Grand Central Publishing,
New York, New York, USA и литературного агентства
Andrew Nurnberg.

Роуэн, Нина.

P79 **Страсть к удовольствию : роман / Нина Роуэн ;**
[пер. с англ. В. М. Феоклистовой]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-089022-4

Легкомысленный повеса Себастиан Холл нуждается в жене, которая закрыла бы глаза на его беспутную жизнь, посвященную погоне за удовольствиями.

Красавице вдове Кларе Уитмор необходимо снова выйти замуж, чтобы не позволить опекунам лишить ее маленького сына.

Себастиан и Клара решают помочь друг другу и вступают в фиктивный брак, выгодный для обоих и не связывающий супругов никакими обязательствами. Однако вынужденное сотрудничество очень скоро превращается в настоящую дружбу, а потом — и в истинный союз двух сердец...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Nina Rowan, 2013
© Перевод. В.М. Феоклистова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016
ISBN 978-5-17-089022-4

30 сентября 1854 года

«Мой дорогой брат Себастиан!

Я отправляю это письмо из Парижа с курьером, чтобы обеспечить быстроту и секретность получения. Далее я изложу то, что касается моей просьбы о твоём содействии.

Когда я в своей переписке обсуждал с господином Дюпре его изобретение, он сообщил мне о существовании чертежей, позволяющих создать криптографическую машину. Недавно я узнал, что незадолго до смерти месье Дюпре отослал чертежи этого механизма своему бывшему ученику мистеру Гранвиллу Блейку, владельцу Музея автоматических механизмов в Лондоне, на Бонд-стрит, 20.

Я убежден, что месье Дюпре отослал чертежи этому джентльмену, чтобы обеспечить их безусловную сохранность. Очевидно, в военное время эта машина имеет возможность самого различного применения, но, прежде чем определить ее эффективность, мне необходимо изучить механику, систему кодирования и схему передачи шифров.

При этом — учитывая недавние сложности в Крыму — необходимо, чтобы ты соблюдал абсолютную секретность своих поисков. А если тебе все же удаст-

ся отыскать интересующие меня чертежи и переслать мне, то я в долгу не останусь.

Как я узнал от герцогини, ты вернулся в Лондон, причем — на неопределенное время, так что, надеюсь, это поручение принесет пользу нам обоим.

Преданный тебе

Дарайус».

Глава 1

Она несла... голову?

Себастиан Холл прищурился и протер словно засыпанные песком глаза. Потом поморгал, избавляясь от рези, и снова взглянул на молодую женщину. Да, да, определенно она несла голову. Несла бережно, как ребенка, прижимая ее одной рукой к груди. И это была голова женщины с аккуратно причесанными каштановыми волосами. Себастиан на таком расстоянии не мог разглядеть выражение ее лица, но оно представлялось ему несколько болезненным.

А молодая женщина тем временем пересекла пустой бальный зал и быстрым, но размеренным шагом подошла к сцене. При этом, несмотря на ее ужасную позу, осанка дамы оставалась идеальной.

Тяжело опершись о крышку пианино, Себастиан медленно поднялся, и зал слегка качнулся — словно он находился на палубе корабля. Некогда он проводил долгие часы в здании Королевского музыкального общества на Ганновер-сквер, но сейчас это место казалось ему совершенно незнакомым. В ушах у него звенело — как во время приступа морской болезни, — когда он, проводя ладонью по щеке, заросшей щетиной, неуверенно двинулся навстречу женщине.

Но дама, неожиданно нарушившая уединение Себастиана, казалось, не замечала его и спокойно продолжала свой путь, слегка покачивая корзинкой, висевшей на сгибе левой руки.

Себастиан прочистил горло — этот звук очень походил на глухой рык медведя — и позвал незнакомку:

— Э... мисс!.. — Голос прозвучал подобно скрежету заржавевшего механизма.

И женщина, вздрогнув, выпустила голову.

Голова с глухим стуком упала на пол и покатилась. Внезапно раздался крик — Себастиан не понял, чей именно, — и голова, словно жертва топора палача, подкатилась к его ногам и остановилась, наткнувшись на ботинок.

С безупречно красивого воскового лица с пухлыми розовыми губами на него смотрели широко раскрытые голубые глаза, и только немного растрепавшиеся при падении волосы гладко причесанного парика нарушали этот почти идеальный образ.

Моментально оценив ситуацию, Себастиан наклонился, чтобы поднять голову, но женщина опередила его — ловко подхватив голову с пола, сделала шаг назад и пробормотала:

— Сэр, если позволите... О!..

На Себастиана взглянула пара весьма необычных глаз — сочетание голубого и фиолетового с крапинками золотистого, — и он внимательно посмотрел на женщину. В его памяти что-то промелькнуло, но это было нечто очень смутное и мимолетное, не воплотившееся в воспоминание. Где же он ее...

— Мистер Холл? — Дама заправила за ухо завиток каштановых волос, крепко прижимая голову к груди. — Я не ожидала встретить вас здесь. — Она вдруг нахмурилась, глядя на его измятую одежду, небритые скулы и нечищенные ботинки.

Себастиану захотелось сжаться под этим оценивающим и пронизательным взглядом. Невольно вздохнув, он пригладил ладонью волосы в безуспешной попытке привести себя в порядок, но тут же, почувствовав укол раздражения, проговорил:

— А вы... — Он помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок. — Боюсь, мисс, этот зал закрыт до субботы, то есть до благотворительного бала леди Ростен.

— А вы не помните меня? — Женщина вскинула голову.

Исключительно по привычке Себастиан попытался изобразить любезную улыбку, но такая улыбка настолько давно не появлялась на его лице, что у него возникло ощущение, будто он нацепил глиняную маску.

— Я никогда не смог бы забыть такую очаровательную женщину, как вы, мисс, однако же... ваше имя ускользнуло из моей памяти, хотя, конечно, я помню... Я, должно быть, не в своем уме, чтобы...

— О, ради бога! — Казалось, дама с трудом сдерживалась, чтобы не округлить глаза; в голосе же ее проскальзывали нотки изумления. — Меня зовут... то есть звали Клара Уитмор. Мы с младшим братом брали у вас уроки игры на фортепьяно. Правда, это было давным-давно, когда мы еще жили в Дорсете.

Себастиан пристально вглядывался в круглое личико, обрамленное вьющимися каштановыми волосами, стянутыми на затылке в узел. Пятнышко жира или масла испачкало ее щеку. Она выглядела так, как выглядят тысячи других самых обычных женщин: дочь лавочника, швея, гувернантка, ученица модистики... — вот только глаза у нее были необычные. И еще имелась крошечная черная родинка у левой брови — словно точка под вопросительным знаком.

— Я была вашей ученицей несколько месяцев тем летом, когда мне исполнилось шестнадцать, — продолжала Клара, словно не замечая пристального взгляда, изучавшего ее. — Вы тогда были не многим старше, но ваш талант оценивали довольно высоко. Я с огромным удовольствием посещала ваши выступления на разных праздниках в Дорсете.

Кусочек мозаики словно стал на свое место в голове Себастиана. Десять лет назад он действительно жил в Дорсете, давал там уроки, а также выступал и участвовал в конкурсах, пытаясь собрать деньги на поездку на континент, которую отказался финансировать его отец.

— Где именно вы жили в Дорсете? — спросил Себастиан.

— Недалеко от Уэймута.

— Ваш отец и сейчас там живет?

— Нет. К сожалению, хозяйство давно заброшено. — Клара опустила глаза — словно прятала их выражение — и переложила голову в другую руку. — И все эти годы я слышала о вас такие же хвалебные отзывы. Я также знаю, что этим летом вы дирижировали в Веймаре. Ведь так?

Нотки неприкрытого восхищения, прозвучавшие в ее голосе, шокировали его. Коротко кивнув, Себастиан ответил:

— Да. — Ответил — и не узнал собственный голос, прозвучавший неожиданно тонко.

Клара моргнула, и на ее губах промелькнула улыбка. А глаза у нее действительно были странного оттенка — несомненно, игра света. Потому что таких глаз просто-напросто не бывает. И он не помнит, чтобы обращал на них внимание, когда она была его ученицей. Он тогда вообще ее не замечал. А впрочем...

Ведь тогда он и не мог ее заметить. Ведь тогда женщины порхали вокруг него с чарующими улыбками,

и среди таких райских птиц Клара Уитмор — даже со своими необычными глазами — казалась обычным серым воробьем.

«Она такая и есть», — сказал себе Себастиан. И не стоило обращать внимания на легкое сожаление, которое он испытал, когда понял, что не помнил Клару Уитмор с ее фиалковыми глазами, оценившими его вид и состояние с одного взгляда. Никто не смог бы укрыться от этой пронизательности, даже он.

Расправив плечи, Себастиан делано небрежно сунул правую руку в карман и вопросительно посмотрел на восковую голову.

— На балу у леди Ростен мой дядя представит изобретенное им механическое устройство, — объяснила Клара. — Миледи считает, что гостям понравится, если дядя Гранвилл продемонстрирует один из своих музыкальных автоматов на приеме в Музыкальном обществе. Но сейчас он в отъезде, поэтому предварительной подготовкой приходится заниматься мне.

Картина начала проясняться, и Себастиан, оживившись, проговорил:

— Так значит, вы племянница мистера Гранвилла Блейка... а я-то ожидал... То есть леди Ростен сказала, что он может быть здесь.

— Он намеревался быть, но в связи с некоторыми обстоятельствами я должна выполнять его обязанности. — Клара коснулась восковой головы, и Себастиан обратил внимание на ее пальцы — длинные и тонкие. — Это Миллисент, Музыкальная Леди, по крайней мере — ее часть. Она играет четыре мелодии на клавесине.

— Забавно, — кивнул Себастиан. — Пожалуй, даже интересно...

Он слышал, что Гранвилл Блейк время от времени баловался разными механическими игрушками и ав-

томатами, но интересовал его только один проект этого человека. Впрочем, интересовал он скорее не самого Себастиана, а его младшего брата Дарайуса. Но для начала ему, очевидно, придется проявить интерес к племяннице Гранвилла Блейка.

— Вам не следует находиться здесь одной, — сказал он ей. — Тем более в такой час.

— Нам позволили привезти наше оборудование, — ответила Клара. — Мы должны приступить к сборке Миллисент и ее клавесина. Кроме того, я здесь не одна. Помощник моего дяди сейчас на улице. Он разгружает остальные ящики. — Она бросила взгляд на пианино, стоявшее рядом со сценой, и спросила: — Вы готовитесь к выступлению на балу?

Себастиан стиснул зубы. Шесть месяцев назад он действительно мог бы здесь репетировать. А теперь он здесь лишь для того, чтобы обеспечить безопасную доставку и отличную настройку своего бродвудского фортепиано. И если бы Ростены не были дружны с его отцом, то он, Себастиан, провел бы следующий субботний вечер в клубах дыма и шуме таверны «Орел».

— Я буду присутствовать на балу... но не выступать.

— О! — Клара Уитмор немного смутилась. — Что ж, извините, что помешала. Я даже не знала, что здесь может находиться кто-то еще. Как только Миллисент будет собрана, мы оставим вас и не станем мешать вам работать.

Работать?.. Фортепиано являлось единственным свидетельством того, что он якобы работал. Себастиан уже собрался ответить какой-нибудь резкостью, но вовремя одумался. С Кларой Уитмор следовало быть по крайней мере учтивым — только тогда ему, возможно, удастся побольше узнать о проектах ее дяди. А может, следовало быть даже более чем учтивым?

Ведь женщины всегда отзывались на те знаки внимания, которые он им оказывал. К тому же мисс Уитмор, по-видимому, не относилась к тем дамам, которые слишком строго оценивали как сами эти знаки, так и того, кто их оказывал.

Мысль о том, что у нее, вероятно, не имелось критериев, по которым она могла бы оценивать его, была странно освобождающей.

— Не хотите ли смородинового кекса? — Она открыла корзинку. — Решила захватить что-нибудь перекусить, поскольку неизвестно, как долго нам с Томом придется здесь пробыть. У нас нет такого опыта в сборке Миллисент, как у дяди Гранвилла, особенно в том, что касается деталей внутри стойки клавиатура. Еще у меня есть яблоки и песочное печенье, а также немного лепешек, оставшихся от чая...

Она продолжала говорить, но Себастиан уже не слушал ее — он смотрел на округлые щеки Клары и грациозный изгиб шеи, открывшийся его взгляду, когда она слегка поворачивала голову. И еще он смотрел на ее прелестные пухлые губки и густые порхающие ресницы.

В какой-то момент она взглянула на него и увидела, что он откровенно ее рассматривает. Щеки ее тотчас же окрасились румянцем, и Себастиану вдруг ужасно захотелось увидеть, как этот румянец потемнеет и станет ярче. Взгляд его скользнул ниже — к талии и бедрам. Когда же снова поднял голову, то увидел, как она прикусила нижнюю губу, а в ее фиалковых глазах промелькнуло нечто похожее на испуг. Себастиан же попытался представить, как она выглядела бы с распущенными волосами, в беспорядке разметавшимися по плечам.

— Я... э... мне следует продолжить работу, — пробормотала Клара, опустив голову. — Том сейчас поя-

вится, а дел у нас очень много. Пожалуйста, возьмите кекс, если хотите.

Себастиан кивнул и потянулся к корзине. И тут же вдруг осознал, что почти не чувствовал головной боли, еще минуту назад, терзавшей его.

— Спасибо. — Вновь испытав странное побуждение спровоцировать девушку, он добавил: — Вообще-то я не испытываю голода. Во всяком случае — к еде.

Клара тихонько ахнула, и ее губы чуть приоткрылись; казалось, она еще не успела решить, почувствовать ли себя оскорбленной довольно фривольным намеком или вообще проигнорировать его (ведь дав понять, что ее оскорбили его слова, она тем самым вынуждена была бы признать, что поняла скрытый в этих словах намек).

Наконец она небрежно повела плечами и проговорила:

— Как вам будет угодно, сэр...

— Угодно, мисс Уитмор. — Его голос опустился на октаву ниже. — Очень даже угодно.

Он был пьян. Или пил совсем недавно. Похоже, именно этим объяснялось его по меньшей мере странное поведение. Но как объяснить тот факт, что ее сердце билось как слишком туго заведенные часы. И почему грубый намек мистера Холла так ее взволновал?

Она старалась успокоиться, однако... Хотя прошло уже десять лет с тех пор, как она видела его в последний раз, Клара с поразительной ясностью помнила, как учащался ее пульс в его присутствии. И помнила, как он наклонялся над ее плечом, демонстрируя положение пальцев на клавишах. Она помнила и его уверенный голос, когда он говорил о четвертных нотах и мажорных гаммах... но тогда он пребывал как бы на расстоянии — талантливый пианист, который ког-

да-нибудь будет играть для королей и императоров, блестящий молодой человек, буквально притягивавший самых красивых женщин.

Теперь расстояние сократилось, и он стоял так близко, что она могла к нему прикоснуться. Хотя ему не могло быть больше тридцати, он казался старше и... «Может, он болен?» — подумала Клара, и сердце ее сжалось.

Себастиан Холл нередко выглядел небрежным, но эта небрежность всегда казалась чертовски привлекательной и вполне соответствовала его артистической натуре. Весь его облик как бы говорил: «Мне некогда обращать внимание на суетные мелочи. Я должен творить магию».

Именно это он и делал с помощью ярких разноцветных нитей нот и волшебных иголок, в которые превращались его пальцы, порхавшие над клавишами. На званых вечерах и концертах мистер Холл творил музыку, заставляя душу Клары откликаться на те ноты, которые никогда ранее не трогали ее. Не трогали, пока Себастиан Холл не вдохнул в них жизнь. В расстегнутом фраке, с влажными прядями волос, падавшими на лоб, он играл на пианино с неумемной энергией и вдохновением...

А теперь? Теперь он был явно не в форме. По крайней мере, именно об этом свидетельствовала щетина у него на щеках, а его одежда... Она выглядела так, как будто он в ней же и спал. Под глазами у него залегли глубокие тени, и он казался совершенно опустошенным, походил на пустую тыкву или на раковину, лишённую своего содержимого.

Клара склонила голову к плечу и нахмурилась. Хотя глаза мистера Холла покраснели, они по-прежнему искрились пронизательностью, которую злоупотребление алкоголем притупило бы. А его движения...

Они, конечно, были напряженными и беспокойными, но их резкость отнюдь не являлась признаком опьянения. Клара придвинулась к нему чуть поближе... Нет-нет, никакого запаха пива или бренди. Вот только... Она сделала глубокий вдох.

Хм... запах дыма? И еще, кажется... Да, чуть горьковатый запах кофе. Клара вновь сделала вдох, и этот запах проник в самые отдаленные уголки ее души, о которых, как ей казалось, она давно уже забыла.

— Мисс Уитмор?..

Его низкий хриловатый голос, все еще сохранявший свою мелодичность, вывел ее из задумчивости. Какое удовольствие услышать, как этот голос произносит ее прежнюю фамилию, воскрешая в памяти те золотые дни, когда она была молода и когда Уильям и ее мать были живы, а омытые солнечным светом одуванчики покрывали холмы Дорсета точно мазки краски.

Клара подняла голову и обнаружила, что мистер Холл внимательно наблюдает за ней, хотя его глаза были полуприкрыты.

— Сэр, вы... вы не заболели? — спросила она неожиданно.

Казалось, столь откровенный вопрос не обескуражил его. Более того, губы мистера Холла тронула едва уловимая улыбка, и казалось, что от этой его улыбки — скорее порочной, чем веселой — исходили волны какой-то непонятной энергии.

— Заболел? — переспросил он. — Да, мисс Уитмор, пожалуй, я и в самом деле болен.

Он вдруг сделал шаг вперед, и Клара невольно отступила. Ее сердце забилось еще быстрее, и она бросила взгляд на дверь, искренне желая, чтобы Том поторопился и пришел как можно скорее.

— Я болен тем, что не желаю вести себя прилично, — сказал мистер Холл, продолжая приближаться

к ней с таким странным видом, что у Клары возникла почти паническая мысль: еще несколько шагов — и ей уже некуда будет отступать.

«А что будет, если он протянет руку и коснется моего лица?» — подумала Клара и тотчас же вспомнила, что когда-то именно об этом и мечтала. Она нервно сглотнула и попыталась отогнать эти воспоминания, напомнив себе, что больше не может позволить себе подобных фантазий.

— Я болен дурными мыслями, болен тем, что чувствую себя не в своей тарелке, — проговорил Себастиан. — Кроме того, я болен невезением и тем, что ко мне неважно относятся окружающие.

— Может быть, вы просто больны дурным воспитанием? — съязвила Клара, цепенея от собственной дерзости.

Холл же остановился и хмыкнул, прищутив глаза. Неожиданная притягательность этой его усмешки и восхитительная смесь запахов, исходивших от него, — все это еще больше взволновало Клару.

— Дурным воспитанием? — снова переспросил он, чуть склонив голову к плечу; при этом прядь волос упала ему на лоб. — Сын графа не может быть дурно воспитан, хотя следует признать, что мой старший брат, безусловно, получил более серьезное и качественное светское воспитание. — Себастиан опять усмехнулся и добавил: — Впрочем, не думаю, что это пошло ему на пользу.

Клара понятия не имела, о чем он говорил, хотя припоминала, что недавно в свете во всю судачили о женитьбе его старшего брата. Она также вспомнила, что несколько лет назад их отец, граф Раштон, обратился за разрешением на развод. Еще ей припомнились какие-то слухи на сей счет, но в то время Клара была в ловушке собственного замужества